

Биологи против богословов: конфликт неизбежен?

24.06.17 Г.

Недоумения, которые возникают в связи с изменением статуса богословия в российском академическом пространстве, разбирает кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН Александр Храмов.

Первая защита кандидатской диссертации по теологии, состоявшаяся 1 июня в Москве, не на шутку всколыхнула российскую научную общественность – впрочем, не всю, а только определенную ее часть. Казалось бы, введение специальности «теология» в перечень ВАК в первую очередь посягает на сферу интересов философии и религиоведения, и представители этих дисциплин должны были проявить наибольшую обеспокоенность.

Но как раз философы и религиоведы воздержались от публичных демаршей. Физики и химики тоже не выразили шумного недовольства. Больше всего почему-то обеспокоились биологи, которые успели прислать аж пять отрицательных отзывов на диссертацию священника Павла Хондзинского. Кто бы мог подумать, что сотрудники таких далеких от богословия подразделений, как кафедра зоологии позвоночных, отдел эволюционной биохимии и лаборатория геносистематики, проявят неподдельный интерес к богословским воззрениям митрополита Филарета, жившего в позапрошлом столетии.

Крестовый поход биологов против теологов выставил на свет божий тайные страхи и предубеждения, которые они питают по отношению к религии, по-видимому, еще с советских времен. Пожалуй, наиболее ярко это отношение выразилось в статье Владимира Фуралева, сотрудника Института биохимии им. А.Н. Баха РАН, опубликованной в «Газете.ру».

По его словам, богословие «категорически противоречит самой основе науки», поскольку оно признает «существование неких “священных” книг, и написанное в этих книгах нельзя подвергать сомнению». Между тем, говорит автор статьи, «библейские тексты противоречат данным физики, геологии, биологии, археологии и историческим фактам. С точки зрения научного мировоззрения эти тексты неверны».

Давайте присмотримся к этим утверждениям чуть поближе и заодно на примере текста Фуралева разберем ряд недоумений, которые возникают в связи с изменением статуса богословия в российском академическом пространстве.

Богословие – извечный враг науки?

Чтобы проиллюстрировать свой тезис о конфликте между наукой и богословием, Фуралев обращается к личности святителя Филарета, которому была посвящена

диссертация. «Гонениям от Филарета подвергалась не только теория эволюции, но и вся геология в целом», – пишет ученый, и затем вопрошает диссертанта: «считает ли он необходимым для процветания богословия запрет эволюционной биологии и геологии или все-таки допускает их существование».

Кажется, такими опасениями в значительной мере и объясняется болезненная реакция биологического сообщества на богословие. В отличие от физиков и химиков, которым нечего делить с богословами, биологи опасаются, что богословы непременно станут покушаться на теорию эволюции и отрицать древность Земли. Богословие рассматривается Фуралевым и его единомышленниками как извечный враг геологии и эволюционной биологии, который вдруг проник в святая святых – в систему научной аттестации. Вдруг теперь какой-нибудь поп, потрясая кандидатскими корочками, будет ставить под сомнение всё, чем занимается биологическое отделение РАН?

На самом деле, вековая вражда между богословами и учеными – не более чем миф советской атеистической пропаганды. Богословию всегда удавалось довольно мирно уживаться с естественными науками, включая те эпохи, когда уровень религиозности был значительно выше, чем сейчас. Более того, во времена Филарета, в первой половине XIX века, чуть ли не каждый второй геолог был священником и богословом. Я имею в виду Великобританию, которая на тот момент являлась мировым лидером по части наук о Земле и одновременно одной из наиболее религиозных стран Европы.

Например, Уильям Баклэнд, президент Лондонского геологического общества, из-под пера которого вышло первое в мире описание динозавра (другие его научные заслуги долго перечислять), был настоятелем Вестминстерского собора, то есть вел богослужения и читал проповеди. Кембриджский профессор геологии Адам Седжвик, крупнейший специалист по стратиграфии палеозоя, введший понятия кембрия и девона, служил каноником в Норвичском соборе. Англиканский специалист Уильям Конибер,

крупнейший специалист по ихтиозаврам и плезиозаврам, одновременно был автором работ, посвященных богословию доникейских отцов церкви.

Английские священники-геологи не относились к своим церковным обязанностям формально – судя по их личной переписке и свидетельствам очевидцев, это были глубоко верующие люди. Одно из таких свидетельств оставил не кто иной, как Чарльз Дарвин, вспоминая о своем учителе Джоне Генсло, священнике и кембриджском профессоре минералогии: «он был глубоко религиозен и предан учению англиканской церкви, так что однажды признался мне, что был бы глубоко огорчен, если бы изменили хотя бы одно слово в тридцати девяти членах ее исповедания». Именно этот мракобес и клерикал, как бы его сейчас назвали борцы с теологией, пробудил в Дарвине интерес к естественным наукам и посоветовал ему устроиться натуралистом на корабль «Бигль», за что Дарвин до конца жизни испытывал к Генсло глубочайшую признательность.

Как всем этим выдающимся людям удавалось совмещать занятия наукой с верой в незыблемый авторитет священных книг, которая так возмущает Фуралева? Со времен Бэкона и Галилея европейские ученые рассматривали окружающий мир как аналог Библии, как книгу, которая наряду с библейским откровением свидетельствует о делах Творца. Считалось, что противоречий между книгой природы и книгой откровения быть не может, поскольку у них один и тот же Божественный Автор.

Если какой-то твердо установленный естественнонаучный факт приходил в противоречие с Библией, то верующие ученые не отбрасывали его, а пересматривали свое понимание библейского текста. «Мы лишь интерпретируем слово Божье посредством слова Божьего, когда интерпретируем Библию посредством науки», – утверждал Чарльз Ходж, влиятельный пресвитерианский теолог XIX века.

Конечно, среди богословов находились и те, кто поступал наоборот, и в этом смысле митрополит Филарет был не одинок. Например, в первой половине XIX века в Англии сформировалось целое движение «антигеологов» во главе с Уильямом Коберном, настоятелем Йорского собора. Эти идейные предшественники современных американских креационистов отвергали открытия геологии и палеонтологии, основываясь на буквалистской интерпретации Библии.

Однако они оказались в меньшинстве и вскоре сошли на нет. Согласно подсчетам исследователей, в 1810-1855 годах только 15-20% клириков Англиканской церкви полагали, что мир сотворен за 6 астрономических суток. Все остальные так или иначе разделяли уверенность геологов в древности мироздания. «Креационистская наука», ограничивающая возраст нашей планеты шестью тысячами лет – это очень молодой феномен, который с большим запозданием зародился в США в 1920-е и расцвел в 1960-е годы среди баптистов и пятидесятников. Креационизм не прижился ни в католическом, ни в православном, ни в старореформатском богословии.

Богословие догматично и иррационально?

Понимание Библии постепенно менялось, как менялось и понимание природы – и в этом между богословием и наукой нет никакой разницы. Среди богословов постепенно утвердился всё менее буквальный подход к истолкованию первых глав книги Бытия, где повествуется о сотворении мира. Конечно, всегда находились противники изменений, которые пытались затормозить их с помощью церковно-административных методов – но ведь и в науке сторонники прежней парадигмы порой всеми силами сопротивляются

НОВОВВЕДЕНИЯМ.

Не говоря уже о более отдаленных временах, даже за последние 100 лет европейское богословие совершало такие кульбиты, которые не снились и теоретической физике. Поэтому Фуралев в обсуждаемой статье совершенно напрасно пугает читателей, что богословы могут заразить ученых своим догматизмом, дескать «по всем институтам страны выйдет постановление, в котором президент РАН по согласию со святейшим патриархом объявит каноническим учебник биохимии А. Ленинджера 1976 года издания. Все механизмы регуляции активности ферментов, противоречащие упомянутому в этой книге, объявляются еретическими».

В советской науке такие постановления действительно издавались сплошь и рядом – стоит ли напоминать, как на сессии ВАСХНИЛ мичуринская биология была провозглашена единственно правильной точкой зрения, а вейсманизм-морганизм приравнен к опасной ереси? Но если Фуралев думает, что нечто подобное практикуется в академическом богословии, то он глубоко ошибается.

Конечно, корпус библейских и святоотеческих текстов, с которыми работают богословы, остается примерно одним и тем же – но их интерпретация может драматическим образом варьировать. Даже патриарх не может объявить, скажем, «Догматику» митрополита Макария или любое другое пособие по богословию истиной в последней инстанции.

О характере богословских дискуссий у биохимика Фуралева также имеется довольно странное представление. Он полагает, что если ученые последуют примеру богословов, то им придется действовать следующим образом: «вот стану я выступать на ученом совете нашего центра с диссертацией о стимуляции пролиферации миобластов определенными доменами миофибриллярных белков. А какой-нибудь недоброжелатель из числа членов ученого совета заявит, что аргументов в пользу выдвигаемой мной идеи маловато. Тут-то я и пушу в ход главный козырь: “Мне видение было — сам Великий Кришна объявил мне, что они стимулируют пролиферацию! И один знакомый брамин подтвердил, что во сне являлся лично Кришна, а не какой-нибудь там Аполлон!”».

История знала немало богословских споров. Томисты спорили с оккамистами о характере всемогущества Божьего. Янсенисты спорили с молинистами о предопределении и благодати. Но ни разу не было такого случая, чтобы кто-то пришел на диспут в Сорбонну и объявил: «сегодня мне явилась Дева Мария и поведала, что я прав».

Противоборствующие стороны ссылались не на личный непроверяемый мистический опыт, а на цепочки умозаключений, убедиться в надежности которых мог каждый.

Конечно, в качестве отправной точки богословы использовали Библию или отцов церкви, но затем в ход шла утонченная и рациональная аргументация, позволяющая вывести из этого набора текстов непротиворечивые следствия. Но разве не так поступают и ученые, когда на основе наблюдаемых явлений конструируют свои гипотезы? Поэтому стоит ли опасаться, что присутствие богословия в академической среде негативно скажется на общем уровне интеллектуальной культуры?

От богослова требуется личная вера?

Позвольте, но разве богословие не строится на недоказуемом утверждении, что Библия – это не просто продукт случайного стечения исторических обстоятельств, а откровение трансцендентного Бога? Конечно, но ведь нельзя и доказать, что мир явлений, изучением которого занимается наука, существует на самом деле. Может быть, это коллективная галлюцинация? Может быть, это симуляция, созданная суперкомпьютером продвинутой цивилизации, пришедшей на смену человечеству, как считает американский философ Ник Бостром? Может быть, мы давно живем в «Матрице», и окружающий мир на деле устроен совсем не так, как это нам представляется?

Тем не менее, все эти сомнения не мешают заниматься наукой. Даже если в действительности не существует ни камня, ни Земли, на которую он падает, мы всё равно можем вывести из своих наблюдений закон свободного падения тел. Джордж Беркли преспокойно изучал физиологию зрения, при этом не веря в реальность внешнего мира.

Так почему же богословы не могут взять за отправную точку своих рассуждений Библию и святоотеческую традицию, даже если истинность ни того, ни другого не доказана? Совет Алвина Плантинги, ведущего американского философа религии, адресованный его христианским коллегам по философскому цеху, вполне годится и для богословов: «философ может задаваться следующими вопросами: что подразумевает христианская вера в отношении природы человеческих существ, знания, блага,

причинности, законов природы...

Мы можем сказать: «предположим, что христианская вера истинна – для целей настоящего исследования предрешать этот вопрос необязательно – но предположим, что да: каким тогда будет наше понимание причинности?». Результат этого исследования будет условный (conditional). Если христианская вера истинна, то вот такой-то способ понимать причинность – самый лучший или по крайней мере неплохой. Если нет, то вы только исследуете следствия этой веры».

В конце концов, зайдите на сайт любого диссовета по философии и почитайте диссертации, защищенные за последние несколько лет, например, по специальности «онтология и теория познания». Все они устроены похожим образом. Каждый диссертант, явно или неявно, говорит: «давайте предположим, что онтология Делеза или феноменология Гуссерля или спекулятивный реализм Мейясу истинны, и посмотрим, какие непротиворечивые выводы могут быть получены с помощью этого концептуального инструментария».

В современной философии альтернативных исследовательских программ куда больше, чем различных христианских или мусульманских конфессий, тем не менее, это не мешает защищать диссертации по каждой из них.

Почему же это практику не могут взять на вооружение и богословы? «Предположим, что

Биологи против богословов: конфликт неизбежен?

Автор: Admin

27.06.2017 16:02 - Обновлено 03.07.2017 11:13

Библия и Аугсбургское исповедание верны, посмотрим, что из этого следует в плане учения о церковных таинствах», – скажет лютеранский богослов. «Предположим, что надо руководствоваться Библией и семью Вселенскими соборами», – скажет православный богослов. «Предположим, что вдобавок к ним верны и вероучительные определения папы», – скажет богослов-католик. «Предположим, что Коран говорит правду», – скажет богослов-мусульманин.

Для того, чтобы сделать такого рода допущение, что называется, for the sake of argument, личная вера как состояние души совершенно необязательна. В этом смысле богословием может заниматься любой человек, даже атеист, лишь бы он исходил из положений, которые в рамках той или иной конфессии считаются истинными.

Наука делает богословие излишним?

Имеют ли все эти мыслительные операции какой-либо практический смысл? Не уверен. Но много ли его в изучении древних рептилий, языков малых народностей Севера или в погоне за бозоном Хиггса? Почему же нельзя присуждать ученые степени за работы, скажем, по богословию Троицы, тем более что для этого не нужно тратить бюджетные деньги на ускорители и экспедиции? Впрочем, иногда даже интеллектуальные упражнения на отвлеченные темы могут привести к неожиданным побочным результатам.

Так, в становлении классической физики немалую роль сыграла полемика Лейбница с Ньютоном и его сторонником богословом Сэмюэлем Кларком об атрибутах Бога и способах Его действия в мире. Кто знает, может быть и в будущем богословская проблематика неожиданным образом пересечется с эмпирической реальностью.

Например, схоластических богословов занимал вопрос об ангельской речи. Как устроена коммуникация нематериальных существ, свободных от ограничений телесности? Может ли ангел поделиться мыслями с другим ангелом так, чтобы их не «услышал» третий ангел? Казалось бы, перед нами – непрактичные и бесполезные споры из серии «сколько ангелов может поместиться на кончике иглы», за которые последующие поколения высмеивали схоластов.

Но в наши дни бесконтактная коммуникация уже не за горами. Уже сейчас существуют интерфейсы, которые позволяют парализованным людям силой мысли управлять протезом или клавиатурой. Кто знает, может быть в скором времени люди смогут обмениваться мыслями, не прибегая к словам, при помощи приборчика, подключенного к мозгу? Как в условиях этой прозрачности сохранить границы личности? Вот тогда и придется вспомнить, что там говорили схоласты о коммуникации ангелов.

Конечно, богословам уже не суждено сыграть в развитии естествознания такую большую роль, как в XVII-XIX веках. И здесь впервые можно согласиться с Фуралевым: «в научной картине мира нет никакой нужды вводить еще одну сущность — бога». Ученым больше не нужен постулат о разумном Творце, чтобы увериться в познаваемости явлений природы, хотя причина изоморфизма человеческого разума и окружающего мира (пресловутая «непостижимая эффективность математики» по-прежнему остается загадкой. С другой стороны, усилиями Карла Барта и других богословов XX века была окончательно дискредитирована *theologia naturalis*, естественная теология, которая занимается поисками следов активности Бога в природе.

Стало ясно, что эти поиски чреватые подменой Бога откровения рукотворным идолом, наспех слепленным в погоне за новейшими веяниями науки. Это заставило признать, что книга природы не переложима на язык Библии, а Библия, в свою очередь, не может использоваться ни для интерпретации научных открытий, ни уж тем более в качестве учебника по геологии или биологии.

Так что для богословов уже давно не является сюрпризом, что наука молчит о Боге. Но это не значит, что богословие лишилось права на существование. Такой вывод можно было бы сделать, если бы границы научного познания совпадали с границами реальности. Однако есть все основания думать, что это не так. Научное познание – это побочный продукт эволюции человеческого мозга, основным драйвером которого была потребность в выживании, в вовсе не в обладании всей полнотой истины. Наверняка вне досягаемости наших органов чувств остались целые сферы бытия, бесполезные для удовлетворения животных потребностей наших предков.

Почему бы не предположить, что к их числу относятся Бог, ангелы, загробная жизнь, короче, всё то, что служит основным предметом богословия? Да, утверждения о такого рода сущностях не поддаются эмпирической проверке, но и с порога отбрасывать их было бы неразумно. Здесь и открывается пространство для богословского исследования, не перекрывающееся с «магистерием» естественнонаучного знания, о чем в свое время говорил выдающийся американский палеонтолог Стивен Гулд.

<http://www.pravmir.ru>